

Александр Соболев

Между
волком и собакой

Александр Юрьевич Соболев

Между волком и собакой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60241561

Между волком и собакой: Стихотворения: Водолей; Москва; 2020

ISBN 978-5-91763-513-2

Аннотация

Александр Соболев – автор пяти поэтических сборников. Публиковался в журналах «Нева», «Дети Ра», «Prosōdia», «Москва», в альманахах «45 параллель», «Белый Ворон» и других. Лауреат конкурса «45-й калибр», победитель конкурса «Вечерней Москвы», обладатель гран-при фестиваля «Провинция у моря». Шестая книга включает стихи разных лет и вполне определяет позицию автора. В его картине мира поэзия в концентрированном виде рассматривает важнейшие вопросы существования и чуть ли не общие перспективы развитой жизни. Мысль и эмоция, симбиоз, диалектическая парность решает проблему совершенствования на своём, поэтическом диалекте. Автор полагает, что гармоничный синтез эмоции и разума – универсальный инструмент эволюции. Он рассматривает её как область искусства, в литературе – искусства вербального. Полагая, что поэзия входит как элемент в магию бытия и творения, Александр Соболев стремится писать именно в этой плоскости.

Содержание

Искать настоящее имя вещей	7
Автографы	13
Искать человека	13
«Храповое колёсико сделало оборот...»	16
«Без ангела справа, без четверти два...»	19
Отчётный день	21
Дракон на поводке	24
Нэцке	24
Выгул	24
Нетопырь	25
Памятка	27
Контрмарш скорпионов	29
За Насреддином	31
«Да здравствует энергия гримасы!»	33
Дом напротив	35
Юбилейному себе	37
Святки	39
Понтийские фрагменты	40
День шестой	40
День седьмой	41
Медитация на красном георгине	43
«Туман... туман... Сырая пелена...»	45
Виноград	47

Отрывок осенней ночи	49
Как у пташки крылья	50
Presto	52
«Сображдане!.. Коллеги!.. Господа...»	53
«Свет мой, Оля, пригубить любимый тобою размер...»	55
Из Арбена Кардаша	57
Останься собой	57
О поэте Шихнесире	59
Из Риммы Аванесян	62
Гора	62
1. «Кружевные утёсы, туманы лесов...»	62
2. «...Она, моя гора! И только армянин...»	63
Версия	65
* * *	66
1. «...Наряду с другими – и нашего брата...»	66
2. «...Далеко от Нью-Йорка и Сан- Диего...»	67
Предстояние	69
Репетиция отплытия	71
Кукушка	73
Баллада о новом доме	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Соболев

Между волком и собакой

© А. Соболев, 2020

© О. Андреева, предисловие, 2020

© Издательство «Водолей», 2020

Искать настоящее имя вещей

Как известно, сгорает только бумага, а слова возвращаются к Богу. В этой книге Александр Соболев предполагает, почему и для чего именно *«рисунки и текст разлетевшихся пеплом страниц /непременно запишутся в чёрный магический ящик...»*.

Весы постоянно колеблются, добро и зло присутствуют в мире и жёстко противостоят друг другу, и полем этой битвы становится хрупкая человеческая душа.

*и шамкает сумрак: «Подсуден... подсуден!..»
Да есть ли проблема, коль в общей посуде
и добрые зёрна, и скудость твоя...
...И стрелка весов, накреняясь, дрожит,
и мрачно кривится Гроссмейстер уснений...
Но, может быть, твой белокрылый успеет
на правую чашу перо положить?..*

Вот с таких – самых главных – тем – начинается эта книга, и продолжает говорить о главном – подробно и разнообразно – до последней страницы. О проявлениях добра и зла во всех ипостасях.

*Он люто ненавидел термин «жрать» —
сырую нефть, надежду, судьбы, баксы,*

*где власть лежит на всём кислотной кляксой,
подшипники истачивает ржа,
и где из глины в проклятом гробу
опять встаёт неистребимый Голем...
Как часто он благодарил судьбу,
что не стрелял и слать на смерть не волен.*

*А что любил? Любил дрова колоть,
чтоб звук был полон. Утреннее солнце
и лунный перламутровый ломоть.
Грозу и снег. Живые волоконца,
протянутые в завтра. Трель щегла,
Тынянова и горные поляны,
и женщину, которая могла
умножить звук и смысл – и быть желанной*

Стихи отличаются редкостной цельностью. Даже модной сегодня, вполне приемлемой и симпатичной фрагментарности, фасеточности в них нет, автору хватает поэтического дыхания на ровный огонь длинного логичного и живого стихотворения.

Блестящая риторическая структура этих стихов нигде не мешает их музыкальности, что вообще сложно, мы привыкли в большинстве случаев, что эти два фактора исключают друг друга. Но вот смотрите:

*Не темпера, не акварель, не сангина
смирно творили цветок георгина,*

но плотное масло, мазок за мазком.

Он алый, как крест на плаще паладина,

и темно-багрова его середина,

и с плотью планеты извечно едина,

и звездам он тоже знаком.

«Муза венчает славу, а слава музу» – сказано не об этой книге. «Логика войны», милитаризм, шовинистическая самовлюблённость развенчаны Соболевым безжалостно и саркастично в «Ну-ка, грохни, Митральеза!», «Багровом этюде», «Бурой балладе», в апокалиптической «Сверхновой». А цинизм власть предрежащих изобличён им в «Обезьянах», в пронзительном «Массаракше», в давшем название этой книге «Между волком и собакой».

Главное – человек. Не идея, не завоевание любой ценой. Никакая цель не стоит человеческой крови – утверждает автор в стихотворении «Иной Арджуна». Что интересно, в этом стихотворении говорит только противоположная сторона – Кришна, он приводит тысячу убедительных аргументов. Но встречает со стороны своего ученика лишь молчаливое «нет» – и это отрицание, это неприятие вражды и войны между вчерашними братьями побеждает.

Его стихи совершенно естественно встраивают человеческую жизнь в прошлое и в будущее. Там для автора ни в коем случае не две тёмных неизвестности – а сложная структура, которая зависит от наших сегодняшних поступков, которой определяется сегодняшнее наше бытие. И поэзия, слово как

действие тоже это будущее определяет:

*Но то, что здесь вызревало (и станет большим там) —
немалое утешенье в путях неисповедимых.*

*Да славятся те, кто слово привил к твоим устам,
да будет за нас приветлив и милостив к ним Единый.*

Почти в каждом из стихотворений сборника камера то на-
двигается, то отдаляется. Поэт переход от роскошного круп-
ного плана, с милыми сердцу деталями и подробностями:

*Ноль часов по Москве. Новый год родился из пены!
Фонтанируют магний, шампанское и Петросян.
В морозильнике – стужа. Духовка подобна мартену.
Из неё ароматы – и жареный гусь на сносях!*

– к общему, общечеловеческому, а там и космическому:

*Громяхают петарды. Резвятся и тешатся люди,
карусельно кружась на спечённом для них колобке...
Полюса шевелятся, и видно с летающих блюдц,
как магнитные вихри играют Землёй в бильбоке.*

Камера в книге перемещается постоянно, логика действия
отдельных деталей подтверждается общими законами – и
природными, и философскими, и мистическими, настоящее
логично вытекает из прошлого, а будущее – из настоящего-
го, картина мировоззрения автора раскрывается связной,

подробно прописанной, страшной и прекрасной. Никакого умолчания, для автора нет закрытых тем, но язык повествования неизменно сложный и возвышенный, это высоколесье, интеллектуальные стихи. Но ни в коем случае не сухо-отстранённые, автор живо вовлечён эмоционально в поднимаемые им проблемы. Кроме несомненных поэтических достоинств этой книги она обладает ещё и редкими качествами энергичности и содержательности, помогает современнику осмыслить происходящее и решиться на верные шаги.

Самого автора мы почти не видим, Соболев не очень любит говорить о себе, разве что изредка, с неизменной самоиронией.

Кто ясно мыслит – ясно излагает. Язык этой книги отличается широтой и многообразием. Здесь и специальные термины, помогающие описать перемещение воздушных масс или тонкие мистические слои, здесь и кондовые полузабытые русские понятия, и современная богатая и образная речь хорошо образованного в разных областях нашего современника.

Назвать всё происходящее в настоящем, прошлом и будущем его истинным именем, открыть «таинственный код», смысл, сверхзадачу каждого явления – вот достойная поэта миссия. И когда случается это сделать – возникший резонанс развернётся широким воздушным потоком и унесёт найденное тобой, твоё – и уже не твоё – слово.

*Смотри, как оно восходит в холодный покой,
земле оставляя тугу, маяту человечью —
широкой спиралью над временем, речками, речью,
над нашей по ясному смыслу тёмной тоской!*

Ольга Андреева

Автографы

Искать человека

Давно не чту ни вождей, ни чина.
Но есть в миру, что столь многолюден,
не шанс, а, может быть, лишь причина
найти особого **homo ludens**¹.
Не чудодея и не мессию,
не супермена в седьмом колене,
но человека природной силы
и капитана своих волений.
По искре взгляда, по стилю жеста
искать Зачинщика, VIP-персону,
из тех, кто крепок причинным местом,
умом, пером, мастерком масона;
умеет делать добро, сюрпризы,
попытки, вещи и личный выбор;
кладёт начала, концы и визы,
а то и камни – при слове «рыба»...
И он готов, коли что, к расчёту,
и он спокоен всегда к награде.
А если спросят, какого чёрта

¹ Человек играющий (*лат.*).

он тут находится и играет,
во что и с кем, из каких коврижек —
таким об этом и знать не надо.

Когда – подале, когда – поближе —
он слышит голос своей монады.
Она, голубушка, лучше знает,
зачем жильём себя наделила,
почём ему эта боль зубная,
которой группы его чернила.
Свою решимость на красном, чётном
и блок, всегда для него опасный,
он ставит именно против чёрта
во всех личинах и ипостасях.
Он дарит миру с себя по нитке,
мешая аду, поодаль рая,
играя Гессе, Шекспира, Шнитке,
судьбой и жизнью своей играя.

Азарт и смелость сильнее тягот,
но только это не те лекарства,
пока Косая стоит на тяге
и бьёт на выбор себе бекасов.
А значит – верьте или не верьте —
среди забот о любви и корме
играть приходится против смерти
в её отвратной и пошлой форме.

Хотел бы стать не жрецом – скорее

простым статистом его мистерий —
но лишь бы выпел единый реял
над мистагогом и подмастерьем.
Сыграть хоть тайм, непреложно помня,
что в этой лиге хотят не славы,
прийти хоть словом ему на помощь...
Когда маэстро отправят в аут —
играть без правил, играть без судей,
ножу ответить своим дуплетом,
отдав ферзя (да игру, по сути) —
не горевать никогда об этом.

А у надежды – чудная доля:
она старается тихой сапой
оставить оттиски на ладонях,
пометить лица секретным крапом.
Приметой блёклой и ненадёжной
она кочует по всем обновлениям.
Но мне она – на любой одежде
звездой Давида, тузом бубновым,
шевроном, бляхой и голограммой,
значком партийца, цветами клана.
И вот на прочных и многогранных —
ищу отличку такого плана:
пешком по будням, с горячей плошкой,
(пространство – здешнее, время – наше)
чтобы вести игру не оплошно,
чтобы при встрече своих спознаша.

«Храповое колёсико сделало оборот...»

Храповое колёсико сделало оборот...

По всему небосводу, покрытому частыми тучами,
принимаются к ночи озимые звёзды окучивать
и мотыжат свой тучный и облачный огород.
В полутьме ожидания малозаметны осколки
прошлогодних хрустальных надежд.

Наступающий год
знаменуется скорой отменой несправедливых льгот
и несмелым снежком. Всё теперь по-иному, поскольку
на сплетенье широт и долгот,
обернувшись прочной уловистой сетью,
предлагают жемчужину тысячелетья —
на дрожжах вздорожавший две тысячи энный лот.

Где же тут устоять. Содержимым счетов и записок
обеспечим покупку, скептический дух приструним!
Зодиак изменился... Всё будет гораздо иначе,
но рисунки и текст разлетевшихся пеплом страниц
непрерывно запишутся в чёрный магический ящик...
А пока поглядим на цветную морзянку гирлянд
и, прижмурясь – на ангелов, к детям на ёлку летящих
из волшебной страны «Люболанд»...

Ноль часов по Москве. Новый год народился из пены!
Фонтанируют магний, шампанское и Петросян.
В морозильнике – стужа. Духовка подобна мартену.
Из неё ароматы – и жареный гусь на сносях!
Громяхают петарды. Резвятся и тешатся люди,
карусельно кружась на спечённом для них колобке...
Полюса шевелятся, и видно с летающих блюдец,
как магнитные вихри играют Землёй в бильбоке.

Поутру – тишина. Далеко за пределами слуха,
отключенного вместе с экранами в два или в три,
просыпается город – лениво гудящая муха
(или, всё-таки, это внутри?).
Осторожный белесый рассвет погасил фейерверки,
сновидения и фонари,
за гардинами сеется манна (мука? сахарин?),
и наряд короля перед душем проходит примерку.
Обалдевший от здравец, полночной хмельной болтовни,
телефон не звонит...

Пахнут чай, мандарины, смолистое прошлое сосен,
возле коих сюрпризы лежат:
дед Мороз, не утративший чуткости и куража,
не хотел бы остаться непонятым в этом вопросе.
Нет охоты читать или рифмой бумагу терзать.
В хрустале – шоколадные лакомства Нового Года
и название фабрики – сладкое слово «Свобода» —
составляют доступный эрзац.

Открываем программы TV, надеваем обновы,
хлебосольно встречаем гостей.

И январь на дворе, а пока никаких новостей.

Всё еще впереди.

Мы к чему-то подспудно готовы —
но причастны и радостям зимних каникул, и святкам
с Вифлеемской звездой и рождественской Вестью благой,
и забытому с детства мочёному яблоку в кадке
с ледяною шугой...

«Без ангела справа, без четверти два...»

Без ангела справа, без четверти два,
в холодную ночь за туманом белёсым
услышишь урочной телеги колёса,
гремящий по улицам старый рыдван.
За столько-то лет о себе возвестив —
кого он везёт, и по чью-то он душу?
Чей сон и биение крови нарушит
его нарастающий речитатив?..
Возок, закопчённый нездешним огнём —
какие химеры его населяют?..

Твоё «санбенито», ларец с векселями
и списком грехов приближаются в нём.
Негромко бренчит ритуальный ланцет
на дне сундука с остальным реквизитом...
И едет в телеге судья-инквизитор,
палач и возница в едином лице.
Он едет тебе воздавать по делам!..

Грохочут колёса по мокрой брусчатке,
по граням поступков, по жизни початку,
благих побуждений булыжным телам.
Всё ближе и ближе, слышней и слышней

телега из первого дантова круга...
Во тьме перед ней, запряжённая цугом,
вихляет четвёрка болотных огней —
извечным путём: от бездонной Реки —
в остывшую жизнь и постылую осень...

Фальцетом поют деревянные оси,
качается шляпа, дрожат огоньки...
Дома, отшатнувшись с дороги, стоят,
и шамкает сумрак: «Подсуден... подсуден!..»
Да есть ли проблема, коль в общей посуде
и добрые зёрна, и скудость твоя...

...И стрелка весов, накрываясь, дрожит,
и мрачно кривится Гроссмейстер успений...
Но, может быть, твой белокрылый успеет
на правую чашу перо положить?..

Отчётный день

Февраль – сырой, как башмаки в прихожей.
Сезон хандры, смурное бытие.
Дракон линяет. Лезет вон из кожи,
с неодобреньем смотрит на неё.
Тут есть над чем подумать, право слово.
Чего хотел, чего реально смог,
и отчего случился не фартовый
и скучный промежуточный итог?
Не сам себя ли держит на аркане
и чем у нас утешиться готов
покаместь не последний могиканин
помимо доморощенных понтов?

Хоть цвет прически несколько поблек,
он как-то не собрался в Гваделупу,
и, стало быть – приличный человек! —
не кушал черепахового супа.
Бывал женат. Досаднее всего,
что сей париж не стоил люминала,
но бразильянка юная его
кофейными ногами не сжимала.
И к нашим девам он недоприник,
не надыхался миром и сандалом,
хотя, конечно, слышал женский крик
не только в кульминации скандала.

Как уверяют древние китайцы,
он мог копать – а мог и не копать:
узоры папиллярные на пальцах
и так сушили масло. Он кропать
умел разнообразные поделки —
весёлое лихое ремесло! —
когда строка летела лёгкой белкой,
а из глагола дерево росло.

Он верил, как велел его устав.
Каноны оставляя без присмотра,
не знал ни ритуала, ни поста,
но мог и голодать недели по́ три.
Он не любил брехливую печать.
Ему уздечки были не по сердцу,
но как-то умудрялся сочетать
черты космополита и имперца.

Он люто ненавидел термин «жрать» —
сырую нефть, надежду, судьбы, баксы,
где власть лежит на всём кислотной кляксой,
подшипники истачивает ржа,
и где из глины в про́клятом гробу
опять встаёт неистребимый Голем...
Как часто он благодарил судьбу,
что не стрелял и слать на смерть не волен.

А что любил? Любил дрова колоть,

чтоб звук был полон. Утреннее солнце
и лунный перламутровый ломоть.
Грозу и снег. Живые волоконца,
протянутые в завтра. Трель щегла,
Тынянова и горные поляны,
и женщину, которая могла
умножить звук и смысл – и быть желанной.

И были дети. Многого хотел —
но в лучшей теме он не разобрался.
Он не доделал половины дел,
но в половине случаев старался...
И вот, кроя к жилетке рукава,
разглядывая сброшенную кожу,
он знал, что долг придётся отдавать,
не здесь, так позже.

Дракон на поводке

Нэцке

Неукротимость Сатаны
и смерть, играющая в жмурки,
узлом зловещим сплетены
в дракона бронзовой фигурке.

Один бросок – и ты погиб!
Не обмануть грозящей пасти.
Но гребня бешеный изгиб
смирён ошейником шипастым.

Точна причудливая лепка,
и завершённость темы в том,
что жуткий зверь своим хвостом
себя за шею держит крепко...

Выгул

Жара над городом висит,
и солнце – мутной кляксой.

По-над обочиной трусит
дракон размером с таксу.

Какой скандал, какой загул
довел его до точки?..
Наверно, чижика сглотнул
заместо царской дочки.

Суров кармический закон
в далеком прошлом драмы,
а наш классический дракон —
на поводке у дамы.

Язык закинут за плечо
тоскливо и устало,
и синеватый дым течёт
из жалкого оскала.

Нетопырь

В мартовском небе, в воздухе хрупком
мчит через звёздный мрак
фея ночная в легкой скорлупке,
сея любовный мак.

Падают зёрна в пенные кубки,
снегом летят на всё...

Фею ночную в тёмной скорлупке
чёрный дракон несёт.

Счастья ли ждёте или сольёте
губ и объятий пыл —
где-то над вами – фея в полёте,
в трепете тонких крыл.

Памятка

Делириум тременс² имеет в активе то,
что вдруг исчезает грань. Зоопарк Денницы
с набором рогов и копыт, пятаков, хвостов
сожительствует с душой, а не просто мнится.
По слухам, приятного мало. Дверной глазок
в преддверие пекла обычно задёрнут шторкой,
но если туда заглянул хотя бы разок —
так это не глюки, и дверку лучше не торкать.
Но время имеет свойство идти назад.
Хотя бы и близко не пахло зелёным змием —
бездонное «было» вернёт пережитый ад,
и память поднимет чугунные веки Вию.

Мальчонке всего-то исполнилось пять или шесть.
Обычный ребёнок, детство без лишних стрессов,
и вряд ли он был законной добычей бесов,
но речь не об этом... Кошмара чёрная шерсть
его не спросила. Мозги опаливший жар
две ночи подряд служил одному и тому же:
меж этим и тем куда-то делась межа,
оставив ему непосильный посмертный ужас.

...Он был содержимым безумно жуткой тюрьмы,

² Белая горячка.

и тьма была её единственной сутью.
Он был амёбой, кляксой, гримасой тьмы,
в себе заключавшей зыбкое бремя ртути.
Он был существом, пробитым тупой иглой,
беззвучным воплем, агонией и надсадой,
и только животный страх сохранял его —
на долю мига – от будущего распада,
не смерти второй, а вовсе не-бытия.
И зная уже, что края ему не будет,
себя на исходе, дрожало жалкое «я»,
ничем не скреплённое в той кромешной посуде...
Баланс на оси, где малейшей опоры нет,
и судорожный пароксизм эфемерной кожи
угрюмой смолой пропитывал чёрный свет,
и муки секунды с вечностью были схожи.

Он лет через сорок припомнил тот эпизод
и думал печально про опыт, вставший из праха,
узнать не умея, какой уродливый код,
какие грехи эгоизма легли на плаху.
...И был через множество дней предутренний сон.
Там море шумело, на жёлтом песке играя,
и, стоя поодаль, счастливо завидовал он
весёлому братству людей, обещанных раю.

Контрмарш скорпионов

Когда напасти – заодно, и тянет жёрновом на дно
смешной вопрос «кому все это надо»,
когда дорожка скрючена, когда нарезка скручена —
не прибегай ни к лезвию, ни к яду.

И если факт упрямится, и с ним невмочь управиться,
и идеал явился жалким идиолом —
с улыбкой саркастической веревки синтетической
на шею вместо шарфа не накидывай.
Ты смят, но тем не менее твой дух сопротивления —
твой золотой запас, и ты не тронь его.
Ты существо, которое – двуногое беспёрое,
но всё-таки из рода Скорпионьего.

Бедую покалеченный, когда и делать нечего,
осталось только каяться да маяться —
в упор, во славу вящую встречай судьбу рычащую!
У Скорпионов хвост не поджигается...
На поле поражения и в боли унижения
ты помни, что в крови у Скорпиона
раствор весёлой ярости от юности до старости
содержит вдоволь кобальта и крона.

С пути – да не попятишься.
Плати – и ты расплатишься.

Хоти – и это будет не напрасно.

Хоть жизнь тебе и съездила – горит твое созвездие
огнём осенним, холодно и ясно.

За Насреддином

Ты наследовал жизнь – так живи, не спеша.
Ты успеешь узнать, как она хороша.
Пусть касыдой становится образ летучий,
и удачные мысли приносит верша.

Если просит у женщины плоть и душа —
развяжи, не колеблясь, запретов кушак.
Не желающий дать ничего не получит,
да и струсивший взять – безнадёжный ишак.
Если то, что тебе подарила судьба —
это крытые крышей четыре столба —
не печалься, что большего ты не имеешь,
ведь зато не имеешь долгов и горба.

Не терзайся с унылой повадкой раба,
что у хана гарем, у соседа арба.
Ты на хлеб и урюк заработать умеешь,
и да будет здоровой твоя худоба!
Пусть ложатся снопы и куётся клинок,
пусть до ночи работает ткацкий станок,
пусть рубаха твоя побелеет от соли,
и устанешь, и будешь порой одинок —

но тебе воздадут полновесной луной,
и любви испытаешь полуденный зной,

теплоту очага и весеннего поля,
родниковой воды поцелуй ледяной.

«Да здравствует энергия гримасы!»

Да здравствует энергия гримасы!
Да празднует всемирное «Ха-ха»!
Не будем у Олимпа и Парнаса
выклянчивать «божественность» стиха,
вопите валаамовой ослицей,
и автор, и лирический герой!..
Слышал, что из стихов моих порой
глядят зверей застенчивые лица...

Не отпираюсь. Мы – единой крови:
и брат меньшей внимателен ко мне —
и я быка предпочитаю Jovi³
хотя бы потому, что бык – скромней.
Мои гаранты от любых фиаско!
Когда я помню, как они умны,
когда не оставляю их без ласки
и не лишаю радостей земных,
когда стихи не обращаю в ребус —
мой лебедь носит титул «царь зверей»,
а рак – свистит!.. а щука – рвётся в небо,
ударив плёсом заводь на заре.
Мой пёс – сметлив и к голоду привычен,
мой скунс надёжно охраняет тыл;

³ Юпитер (*лат.*).

и нам годится всякая добыча,
и *каждый зверь печален*, коль остыл.
А если нас в беспутстве обвиняют —
то лишь за то, что в мартовскую ночь
мои кентавры ищут сабинянок,
и фавны от скромного не прочь.

Моих фаланг – мои же мериносы
обучены затапывать гуртом,
но мой мустанг – узды не переносит...
И, может быть, когда-нибудь потом...
в моём прощальном сне – заглянут в ясли,
где спал однажды мальчик Иисус,
волы, колючек знающие вкус.
И сладок будет сон, глубокий и счастлив...

Дом напротив

А лет пятьдесят тому начинался май,
сирень занималась, многое было внове.
С набором из глюков, глупостей и любовей
шкатулка судьбы раскрывалась уже сама.

И ночи стояли свежие, как моря,
и страсть к переменам тянула вперёд и выше.
...Когда через тесный люк он попал на крышу,
то некому было мешать или укорять.

Внизу тополей и акаций толпились купы,
и стало другим пространство вокруг и в нём,
и был на четыре стороны окоём,
где вдруг развернулся медленный звёздный купол.

На верхней палубе в переплетенье вант,
среди антенн, надстроек уснувших лифтов
он плыл вперёд, на курсе не было рифов.
Он был себе Ломоносов, Коперник, Кант.

Он знать не знал, к какому приписан порту,
но шёл к удаче, видел цель целиком!
А рядом серийной копией, двойником
другой пассажирский шёл по правому борту.

Светились шторы, съедался вчерашний суп,
подсчитывались потраченные пиастры,
и два корабля эфир держал на весу,
и плыли они в кильватере тьмы per astra⁴.

Весенняя ночь творила свои дела,
а жажда чудес и жадность души и плоти
искали спасенья в женщине, что была
гола перед сном, и, не чуя того, звала
своим обнажённым телом в окне напротив.

⁴ По звёздам (*лат.*).

Юбилейному себе

С днём рожденья, рódный! Расти – не хнычь!
Как любил Тарковский в такой денёк,
сочиним-ка бодрый заздравный спич,
сочинять под градусом – наш конёк.
Моему куратору исполать —
миновал эксцессы, обут и сыт.
Так чего же нам себе пожелать
и о чём бы нам теперь попросить?..

– В юбилейный год и в любой другой
будь удачлив, весел, крепок в кости.
Пусть судьба золотой осенней рукой
молодильным яблоком угостит.
Молодильный яблочок – славная вещь!
И сейчас, и после, тверёз или пьян —
будь всегда здоров. Оставайся весь,
как оно, румяным и полным семян.

Пусть влетает в денежку бытие —
хорошо, что в доступе вещный мир.
Он цветёт, растёт, кое-где гниёт,
но совсем не худшая из квартир.
Ничего на блюдечке не несёт,
но ведь нет причины терпеть облом.
В самый раз сегодня забить на всё

и поставить главный вопрос ребром.

Госпожа Фортуна! Ты помнишь знак,
о котором истово я мечтал?

Ты дала его. Неизвестно, как
и в какую форму зальют металл —
только мой прибыток, избыток весь,
пентаграмму жизни, бумажный тлен
с драгоценной нэцкэ уравновесь,
остальной сортамент бери взамен.

Святки

Шесть часов у сна, у тишины,
льна и накрахмаленного ситца.
Снег упал. И, снова прощены,
к небу в гости можем попроситься.

А не то – плениться январём,
причаститься этой ночи ранней,
во дворе, под сонным фонарём,
нагрести блескучих острых граней
и потом от крохотных кресал
зажигать рождественские свечи.
...Эту ночь вчера живописал,
а сегодня – чайная встреча.

Тише... тише... гаснут голоса,
остывают лампочки и строчки,
снежный свет скользит по волосам,
отменив пустые заморочки,
и рекламы клёкот чумовой,
и дверных электроканареек...
А в прогалах туч над головой
всё сильнее звёзды январеют.

Понтийские фрагменты

День шестой

Мир уже создан: врезаны в зыби кряжи и мысы,
плавают тучи, резвые рыбы... Только измыслен —
он уже дышит, свеж и огромен.

Пляжа на грани

мускулов пенных злыми буграми море играет.

Людное место здесь, под неслабо греющим солнцем!
Не утерпела б, не обошла бы кисть барбизонца
гладких девчонок, лакомых женщин, прочей массовки —
всех, кто издревле небу обещан, с Лика срисован.

Экипировка – три лоскута и пара тесёмок!..

Татуировка – узел хвоста лихого бесёнка.

И – пропадаешь ни за полушку: дремлющий с виду,
млеешь, прохвачен с пят до макушки знойным либидо,
линией бёдер – той, волоокой, медноволосой...

...Лупит о берег, в надолбы, блоки, скалы, откосы,
и забулдыгой, шарящим слепо дырку в заборе,
пробует прочность каменной лепки Чёрное море.
Шваркает гулко, шаркает глухо, ломит солому,

лепит стотонные оплеухи в цепь волноломов.

Возгласы чаек и человеков. Ветер и воля!..

запах самшита и чебурека, йода и соли.

Мир – населён, и он веселится плотским весельем,
семенем жизни, как чечевицей, густо засеян.

Близок венец трудов эпохальных – sanday и sontag⁵.

Так что и мы теперь отдыхаем, с Понтом – под зóнтом!..

День седьмой

Я ступаю по хрусткой гальке. Галька взъерошена
шестибалльным вчерашним штормом. Волн кучеря.
Хризолитов и халцедонов светят горошины,
припасённые посеидоновым дочерям.

Завиток рапана разбитого ал и ярк.

Тёмной зелени томность. Есть на что поглазеть!

Молодой аквилон пасёт тонкорунных ярк

и полощет душу в индиго и бирюзе.

«Коля с Людой здесь были» – гласит граффити
наскальное.

Мира вам, соплеменники! Здравствуй, великий Ра!..

Я бреду по берегу, занят богоискательством,

⁵ Воскресенье (англ., нем.).

я ищу куриного бога в который раз.

Загорелый, поджарый, довольно-таки валидный —
я иду вдоль моря. Так мысли мои светлы,
так чисты стихии, что на небе звёзды видно,
а на дне – жемчужницы, стоит чуть-чуть заплыть.

Мельтешат золотишки, искринки с «Чёрного принца»⁶,
вызревают икринки счастья в лёгкой волне...
Вот он, принцип духа в материи, Вечный Принцип!
И напрасно искать, где бы он явился полней.

Подмалёвок?.. эскиз... гениальный Рая набросок! —
этот мир пропитан волшебным живым огнём.
Несомненно, сегодня мне встретится бог неброский
и глазком куриным приветливо подмигнёт.

⁶ Корабль, затонувший с грузом золота.

Медитация на красном георгине

В осеннего воздуха медленный ток
небрежной рукой вплетена паутина,
и мощный, раскидистый куст георгина
венчает прекрасный цветок.

Как слизень, в слепом летаргическом трансе
сквозь влажные дебри пластинчатой чащи
свое существо незаметно влачащий —
так взгляд, замирая на каждом нюансе,
скользит осторожно по зелени темной,
вдоль русел прозрачного терпкого сока,
сквозь тени и блики восходит истомно
к цветку без греха и порока.

Не темпера, не акварель, не сангина
смирненно творили цветок георгина,
но плотное масло, мазок за мазком.
Он алый, как крест на плаще паладина,
и темно-багрова его середина,
и с плотью планеты извечно едина,
и звездам он тоже знаком.

Он в душу вмещается полно и сразу,
и в ней позабытый восторг воскресает,
и пиршество глаза – на грани экстаза,

когда откровением вдруг потрясают
отшельника – лики на створках киота,
а кантора – громы классической фуги,
спартанца – кровавая рана илота,
любовника – лоно подруги.

Он цвета любви, полыхающей яро,
родник нестерпимого красного жара...
И поздние пчелы стремятся к летку,
вкусив от его бескорыстного дара,
и солнце – сверкающей каплей нектара,
и первая чakra моя, муладхара,
раскрыта навстречу цветку.

«Туман... туман... Сырая пелена...»

Туман... туман... Сырая пелена
грунтует холст...

Полста вторая осень
сезонной меланхолии полна.
Белёсый воздух плотен.

Иглы сосен
его сгущают в бусины, да так,
что каждая надета на хвоину,
принадлежа ветвям наполовину,
но тяготея к травам. Это знак,
что нам уже не светит бабье лето...

Иные кроны догола раздеты,
а рядом – шамаханская парча,
этиод в академическом альбоме
за тонким слоем кальки.

И любое
движение: скольжение грача,
неторопливый клочок печного дыма,
грибами порастающий пенёк —
от мутного белка неотделимы.

Летит неяркий жёлтый огонёк,
за ним летит через минуту новый...
Паучья сеть становится основой

для ткани медитации, устав
висеть без дела... бисерные нитки
растянуты на лозах...

Две улитки
на ложе виноградного листа
осенних чувств испытывают прелесть
и делают, что в голову взбрело,
под кисеёй тумана, в нежной прели
преображаясь в чувственный брелок.

В природу запустенье внедрено...
Лежат лужаек рваные татами,
где колтуны примятых бурьянбв
привычно вспоминаются цветами,
но, впитывая утреннюю мглу,
цветут – *ты не поверишь!* – анемоны,
друг другу уступая церемонно
последнюю бездомную пчелу.

...Вот новый лист по воздуху несёт,
собирает лепту время, строгий мытарь.
Всё млечно, растушёвано, размыто
и тихо всё...

Виноград

Утречко октябрьское сыро и пасмурно.
Ночь неторопливо снимает покров
с гроздьев кабошонов под сизую патиной,
с бусин драгоценных овальных миров.

Розовыми лозами осень увенчана,
жалована лучшей из славных наград.
Щедрый, как надежда, и сладкий, как женщина,
в воздухе туманном висит виноград.
Сад мой, вертоград мой унылым не кажется.
Кончилась повинность копать да полоть,
вызревшими каплями, ягодой каждую
светится его благодарная плоть.

Сроков не отменишь. Редет над светочем
зазимком прибитый поникший наряд.
Листья обвисают истлевшею ветошью,
но, разоблачённый – висит виноград!
Кисти налились аметистовым бременем,
соками суглинка, водой кочевой.
Скорби виноградарей, злое безвременье —
всё-то повидал, всё ему ничего.

Что ему долги, о которых забыли мы? —
новые на землю сойдут времена,

было бы лучей золотых изобилие,
ждали бы кувшины густого вина.

Отрывок осенней ночи

...скатилось за кайму – и съедено кайманом,
и ночь сошла ко мне...

На россыпи светил, подёрнутых туманом, —
сгорающих камней
мгновенные следы.

Под шелест монотонный,
с мерцающим «прости...»,
летят к пустым садам осколки Фэтона
по Млечному Пути.

Не могут погодить, на час угомониться
кусачие шмели,
кусочки на лету разбитой колесницы
ровесника Земли.

И доблестно, под стать сеньору из Ламанчи,
навстречу мчимся мы,
а свет окрестных звезд неярк и обманчив,
и скоростью размыт.....

Как у пташки крылья

...Когда хотелось чувство оттенить
на фоне увлечения, на лоне
любви – бывало, руку протяни —
и пара строф затеплится в ладони.

Но что-то я давненько не пишу...
Потенция – потенцией, а всё же
кинетика желательна на ложе
поэзии. Любому шалашу,
укрывшему меня с моей милашкой,
я был бы рад... И будет ночь нежна,
когда одна она тебе нужна —
да кофе чашка.

Годятся также пустошь или лес,
но только чтобы ни единой рожи,
готовой неприятно потревожить
в интимном сочетании словес
двоих, соединившихся под знаком
свободной страсти. Как закон, двойка,
любовь – *законов всех она сильнее*.
Любимец музыки, не зевай! Однако,
удобства ради не женись на ней
«законным» браком.

Не то – кранты, финита – и абзац
не протащить в анапеста фильеру,
и знай – гребни, обслуживай галерею...

Тогда стихов янтарная сабза
из лакомства – дежурным станет блюдом,
и твой кураж окажется под спудом,
и будут стекловатой облака,
а серебро степного родника —
простой полудой.

Оберегай свободу! Принцип сей
тебе полезен вовсе не для блуда.
Ослабнешь под напором пересудов,
во имя замирения гусей —
и будь ты хоть подкован, хоть обут —
придётся ту, которая двояка,
переть с досадой племенного яка
на собственном горбу.

А так... Луна сегодня в Скорпионе,
и сумрак тихо к улицам прильнул,
и внутренний посыл ещё не понят,
но рядом – лист бумаги... Ну же, ну!..
И я невольно руку протяну:
урочный час... и никого в гостиной...
и где-то счастлив скорпион пустынный,
облапивший луну.

Presto

Не дождёшься за нас тоста
на банкетах в пивных трестах,
но приличного мы роста,
и на форуме нам место!

Не хотелось бы нам хвастать,
а таланта у нас – вдосталь.
Мы могучая, блин, каста!
и расти нам годов дó ста.

Пусть в кармане подчас пусто,
да на курсе у нас чисто.
Мы не ждём для себя бюстов,
и не слушаем мы свиста.

Из особого мы теста,
но лисицам не съесть – баста!
Мы – в основе, а не «вместо»,
хоть повыше и дрянь часто.

А шедевры лепить – просто.
Надо лишь замесить густо.
Ибо нет на стихи ГОСТа,
как на авторов – нет дуста!

«Сограждане!.. Коллеги!.. Господа...»

Сограждане!.. Коллеги!.. Господа!..
Товарищи (простите за архаику)...
Не надо слабых авторов охаивать,
послушайте, пожалуйста, сюда.
Не сведущим, как должно, в языке
труднее, чем изысканным и метким.
Возьмите за основу этикет,
не торопитесь клеить этикетки!

Ночной порой, в сумбуре дел дневных —
они под игом страсти всемогущей,
творениями их наводнены
словесности развесистые кущи,
а вкус лишь иногда ночует там...
всё так... *Но уважайте чувство вчуже,*
и не швыряйте камни по кустам,
намереваясь подшибить пичужек.
Оставьте им надежду на успех!

Решил неаттестованный любитель
сказать в защиту тех, кто не успел,
не вышел на высокую орбиту,
но, обретаясь в домике саманном,
мечтает сделать хижину дворцом...
В защиту наших братьев-«графоманов»

И ОДНОГО, КТО БЫЛ МОИМ ОТЦОМ.

«Свет мой, Оля, пригубить любимый тобою размер...»

*Искандер, эти реки тесны и горьки для того...
Ольга Андреева*

Свет мой, Оля, пригубить любимый тобою размер —
как тенями совпасть на негреющем солнце предзимнем
или почку стиха обнаружить на чёрной лозине,
запасая терпение к долгой суровой зиме.

И однажды, в промозглую оттепель, коли суметь —
развернётся, зелёная, на углежога корзине,
и бессмертной улыбкой сквозь слёзы Джульетты Мазины
переменится к лучшему жизни дурная комедь.

...Это правда, что тесно и горько. Но верно и то,
что речушки горьки оттого, что предчувствуют море.
По уклону судьбы, по излучинам их траекторий
мы вольёмся в иной грандиозный и грозный поток.
«Камень, брошенный в воду, всегда попадает в мишень...»
Примечательный факт. Очевидно, мы целимся точно.
Всё случится: стоим ли ещё над водою проточной,
утоляем ли жажду, хоть нету напитка горшей.

Берегами бродя, отложив океан «на потом»,
или в реку войдя, оступаясь в стремительной влаге —

на каком опрометчивом и предуказанном шаге
отдадимся течению, руки раскинув крестом?..

Из Арбена Кардаша

Останься собой

Меняется мир, как во сне,
и все человечество – тоже.
Ни совесть, ни честь не в цене,
и смысл устремлений ничтожен.
И нет никого на нелегком пути,
к кому обратишься в печали любой...
Но душу унынием не замути,
останься собой.

И клятвы мужские пусты,
в делах – ни размаха, ни соли,
а женщин, забывших про стыд,
игла нетерпения колет.
И власть прибирают лукавством ума
крадущие, лгущие наперебой...
Но совесть свою о соблазн не ломай,
останься собой.

В дорогу!.. Пройди перевал,
отправься к далёкому морю,
частицей всего, где бывал,

себя ощути на просторе!
Ведь прежнее солнце блестит с высоты,
и так же широк небосвод голубой,
деревья и птицы с тобою «на ты»!
Останься собой.

Природы апостолом став,
миры для грядущей Вселенной
на чистом пространстве листа
твори для себя вдохновенно.
Но помни, что это не даст барыша,
достойно мирись со скупой судьбой.
Поэт зачастую живет без гроша.
Останься собой...

Ты слабости мира поймешь,
но их не пускай на бумагу,
а верным пером преумножь
любовь, окрыленность, отвагу,
и жизни, где ценят духовности свет,
отдай просветленного сердца любовь.
Сверяйся с бессмертной душою, поэт!
Останься собой!

И если умрешь, одинок,
печаль не увидев на лицах,
и если с твоей сединой
ни род, ни народ не простится, —
не сетуй на жизнь. Ведь она не была

бесплодным трудом и чужою работой.
Рассеявшись прахом, сгорая дотла —
останься собой.

И память о сути твоей
разделят с тобою по праву
дороги, просторы полей,
пустыни, альпийские травы,
и строки, которые, слив голоса,
с листа прозвучали победной трубой,
и Те, кто открыл для тебя небеса...
Останься собой.

О поэте Шихнесире

Лезгинской мудрости урок гласит: «У старшего в роду
спроси совета.

А нет – у ранней седины, у друга, знавшего беду,
спроси совета

А не найдёшь – у валуна, который обточили льды,
спроси совета,

У первой влажной борозды, у горной пенистой воды
спроси совета».

А я стараюсь у того, кто сердце рифмой разбудил,
просить совета,

Пусть нет его среди живых – но у тропы, где он ходил,
просить совета,

У эха отзвучавших слов, которых помню ритм и слог,
просить совета,

У камня с именем его, который в изголовье лёг,
просить совета.

Но если трудно станет вдруг тебе, от мест родных вдали,
просить совета —

тогда найди и собери, как редкий дар своей земли,
стихи Поэта.

Там есть и камень, и ручей, и борозды весенней бег,
в строфе чеканной,

И в них живет уже навек седой и мудрый человек
из Лезгистана...

И сам поэт в стихах живет. И жизни слышится напор
в звенящих строках.

Его тропа вплелась в узор таких же троп на склонах гор,
в заветных строках,

И слышен в них гортанный зов, позвонче многих голосов
звучать способный,

И муж – и мальчик там босой... И плачет утренней росой
чинар надгробный...

У друга с белой головой, у старца, камня и реки
спроси совета,

Спроси у дерева того, и у всегда живой строки
спроси совета —

и дом не оскудеет твой, и дух, достойный этих книг,
не станет сирым!

Счастливец ты, нашедший их, открывший мудрости
родник

у Шихнесира...

Из Риммы Аванесян

Гора

1. «Кружевные утёсы, туманы лесов...»

*Я – армянин. Я стар, как Арарат,
и башмаки мои от вод Потопа влажны.
Геворк Эмин*

Кружевные утёсы, туманы лесов,
безысходности давняя тема...
Снеговым полотном закрывает лицо
великан – отчуждённо и немо.

Тишина и безлюдье расщелин и скал
и отроги, поросшие синим...
От зубчатой гряды наплывает тоска,
как от ветки безлистной в пустыне.

День прошёл. На горах – умирающий свет...
Их томление неразрешимо.
Но алмазно сияет в своём торжестве,
доставая до солнца, Вершина!

Охвативший полнеба, в венце облаков,
на заре или в час полуденный —
богоданное имя несёт высоко
Арарат, Армянином рождённый.

2. «...Она, моя гора! И только армянин...»

*А перед тем я всё-таки увидел
библейской скатертью богатый Арарат.
Геворк Эмин*

...Она, моя гора! И только армянин
так мог сказать о ней...
Сияющий коралл над дымкою равнин —
её снега и льды. И первыми они
вбирают краски дней.
Чеканной кромки блеск тревожит и манит,
чем дальше – тем сильнее.

Стремящаяся ввысь, далёкая, как рай,
понятная, как друг —
застенчиво тиха, когда скалистый край
вуаль накинёт вдруг.
Плывущая к тебе туманная гора
смыкает мыслей круг
о том, что мы – бойцы, вершины – нам родня,
а память – наш оплот.

И мудрости отцов – священного огня —
у нас не отберёт
вся боль сердечных ран, что каждому из нас
судьбою суждена.

И кровью запеклись – печаль армянских глаз,
святые имена...

Далёкая мечта, томящая всегда,
настолько велика,
что канувшие в грусть минувшие года
уже равны векам.

Но есть надежда в нас.

Найдя у смерти брод,
не сдался, не погас —
творит себя народ.

Он любит жизнь, и вот —
живёт!

Версия

Когда захочет ушедший гений
найти дорогу из мира тени
для строк, которых не довершил,

то некий автор, живущий ныне,
наивно верит в своей гордыне,
что это – перлы его души.

Но в этот раз он простой спирит,
пускай и послано это свыше,
пустой тростник в камышовой крыше,
и ветра прихотью он творит.

Любимец муз и певец харит,
он ловит шёпот, дыханья тише,
и мысли тех, кто уже не дышит,
но кто пером его говорит.

«Осенний крик ястреба»
И. Бродский

1. «...Наряду с другими – и нашего брата...»

...Наряду с другими – и нашего брата —
поэта смущающий странностью голоса,
он когда-то был *persona non grata*,
но, возможно, был и посланцем Логоса.
Из статьи о нём (для многих – кумире),
написанной до того, как его похоронят:
«Противостояние человека жёсткому миру
осмыслено в духе романтической иронии».
Уникальность этого эстетического факта
обусловлена неповторимостью автора.
Уберём же предвзятости катаракту
и оценим факт из ближайшего «завтра».
Он звучит привычному вопреки,
игнорируя нормы во многих случаях,
и порезаться можно на сколе строки,
и висят абордажные рифмы-крючья.
Он внедряется в память – и раной саднит,

он какой-то жестокий секрет постиг,
оставаясь при этом только одним
из бесчисленных срезов реальности.

2. «...Далеко от Нью-Йорка и Сан-Диего...»

...Далеко от Нью-Йорка и Сан-Диего,
и от прерий, затканых ковылём,
где в избытке снега – но только снега,
где скребёт о мели паковый лёд,
где и летом не щедро солнце к природе,
а зимой – лишь складчатые миражи,
иногда отрешённым сознанием бродит
тот, который с бродяжьей фамилией жил;
той же нации, но не из тех людей,
что опять покупают в Намибии копи:
препаратор фразы, поэт-иудей,
безразличный к попыткам офсетных копий
со стилистики нобелевского лауреата,
равнодушный к всемирному «гран-мерси».

...Голубой бриллиант в девятьсот каратов
на канадском чёрном небе висит.
Льётся чёрная тьма из Большого Ковша,
сыплет с Млечной Тропы молоко сухое

в эту тьму, где неровно мерцает душа,
не нашедшая в жизни себе покоя.
И молчания песня – как долгий вой
над волнистым пространством сухого снега,
под луной, ледяным бессмертьем больной...
И алмазный шип – безумная Вега
умножается в блеске сионских звёзд,
в мириадах кристаллов, готовых вспыхнуть.

Длятся тени, упавшие в полный рост,
длятся скалы, лиственницы и пихты,
из прорехи времени выпавший цент, —
длится миг между «будет» и «только что спето»,
и почти не заметен рашен-акцент
у равнин, облитых алмазным светом,
но отсюда ближе к цепочке дюн.

Там такой же снег с таким же альбедо,
там он был – и был беззащитно-юн,
там живет не забытая им обида —
только память, без доли телесного брутто —
неостывшим, давним, усталым горем...
Ястребиный пух из Коннектикута
порошит из туч над Балтийским морем.

Предстояние

Как не призадуматься о слоге лаконичном.
Сила краткой фразы умножается стократ,
если с нею на устах умирает личность —
Леонардо и Рабле, Гёте и Сократ.

Вот, цикуткой вскорости от тела исцелённый
(к мудрости Сократов демократия глуха),
вымолвил единственный на сотню миллионов:
«Не забудь Асклепию в жертву петуха».
А когда Вольтеру облегчить пытались бремя,
призывали дьявола в душе не сберегать —
бросил ядовито, что теперь не то, мол, время,
чтобы наживать себе нового врага.

Где, когда и что на посошок тебе подарят —
тут уж как придётся, а со смертью не балуй,
а впрочем...

«Я готова, мальчики!» – сказала Мата Хари,
отослав шеренге воздушный поцелуй.

Может быть, конец пути и впрямь дела венчает.

«Пульс пропал» – отметил Грин⁷, как следует врачу.

И Антуанетта: «О, простите, я случайно...» —
наступив неловко на ногу палачу.

⁷ Джозеф Грин, знаменитый хирург.

Вспоминается порой о них, уже не прежних.
Там никак не передёрнешь, будь ты трижды плут.
Эдвард Григ сказал: «Ну что же, если неизбежно...»
а философ Кант сказал: «Das ist gut».

Репетиция отплытия

Снилось – не снилось... В дремоте разума —
прямо со сцены – спешим на пристань...
Труппа сегодня провода празднует
провинциального – но артиста.
Эта гастроль не дала ни рублика,
пьеса, однако, стоила риска.
Всех благ, добрая публика,
я задержался, но здесь – близко.

... Трап – убран, качается палуба.
Лепту – стюарду, паспорт – в компостер.
Тут ни присесть, ни поесть, и, стало быть,
мы на борту недолгие гости.
На руки – бирку с моей фамилией,
медный квадратик, где даты выбиты.
... Тёмную длань кладет на кормило
наш перевозчик, до блеска выбритый.

Звон рынды... Лики и венчики...
Кто-то платочком заплаканным машет.
Пляшут у борта пёстрые венички
с чётным числом гвоздик и ромашек.
Волны забвения... Мыслей пунктиры:
– Не избалован был бенефисами...
– В общем-то, вовремя...

Только в квартире
жмется в углу стишок недописанный.
В тапки хозяйские тычется мордочкой,
тихо скулит в передней под вешалкой.
Ни поминальной лапши, ни водочки
нет недоростку осиротевшему.
Впрочем, для прочих много настряпано.
Милости просим всех провожающих.
Вот и пирог на чистенькой тряпочке,
масляным боком свет отражающий,
не именинный, но и не свадебный.
(Ломтик оставят – вечер-то чей?)
Сосредоточься – и вот он, на́ тебе —
в ласковых бликах церковных свечей.

...Мой капитан, похожий на Беринга,
я по воде отпускаю пирог!
Может, пока что – за ним, вдоль берега?..
Что же ты держишь руль поперёк?..

Кукушка

Пахнет лето смородиной, сорванным яблоком,
и соседским тельцом, и привядшим сенцом,
и тоскует кукушка, каким-нибудь зябликам
поручившая сдуру родное яйцо.

И не стоило, может быть, рифмы подвёрстывать,
по банальному поводу тратить строку —
столько их извели на разбойницу пёструю,
бередящую душу протяжным «ку-ку».

Но душа, ускользя в зелёное, влажное,
где кричит-не устанет беспутная мать,
полагает такие резоны неважными:
приказала – и ты начинаешь считать.

...И попробуй не верить кукушкам и женщинам,
если глупая птица от летних щедрот
долистала остаток, цыганкой обещанный,
и, секунду помедлив, добавила год!

И молчит... обещает большие каникулы...

Но потом, ради праздника, теща сердца,
оглашает Вселенскую Тайну великую,
и для всех загадавших – бессмертные кликает,
и кукует, кукует... уже без конца...

Баллада о новом доме

Наталье Борисовне Апушкиной

На шумной улице в центре жила поэт.
За окнами жил из стен и витрин коллаж.
Хоть ноги служили плохо, но много лет
она взбиралась на свой четвертый этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.